

Э. А. Рикман

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ПЛЕМЕН НИЗОВЬЕВ ДНЕСТРА И ДУНАЯ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

Теоретические предпосылки для решения поставленных в настоящей статье вопросов разработаны Ф. Энгельсом, который, пользуясь трудами древних авторов первых столетий нашей эры, объяснил, в частности, как происходило перерождение родового строя в классовый у германцев, показал, что собой представляли «органы родового общества, развивающегося в военную демократию»¹. Археологически германцы (вестготы) и их соседи карпо-дако-геты, сарматы и венеды представлены в низовьях Днестра и Дуная памятниками черняховской культуры II—IV вв. н. э. Это мнение автор настоящей статьи разделяет со многими советскими и румынскими учеными (М. И. Артамонов, Р. Вулпе, М. Комша, В. В. Кропоткин, М. А. Тиханова, П. Н. Третьяков и др.).

Используя письменные и археологические источники, относящиеся к этому отрезку времени, попытаемся рассмотреть некоторые вопросы, связанные с переходом от родового строя к классовому у упомянутых выше племен, а также обрисовать социальное развитие племен на стадии перехода общества в военную демократию.

Для понимания путей имманентного развития варварского общества существенна следующая мысль К. Маркса: «Чтобы продолжать быть варварами, последние должны были оставаться немногочисленными»². Племена же черняховской культуры были многочисленными³, и это способствовало ускорению их экономического и социального развития нередко на основе усвоения ими достижений античной цивилизации.

Племена черняховской культуры, уступая населению античных центров в интенсивности производства, приближались в какой-то мере к жителям античных центров по уровню оснащенности своего производства. Так, в сельском хозяйстве они использовали почти тот же набор орудий труда, почти те же приспособления для хранения урожая, виды злаков и скота. Из античных центров были заимствованы некоторые орудия ткачества, форма посуды и техника ее производства и т. д. Ремесленники производили изделия на заказ и на рынок с ограниченными районами сбыта⁴. Помол зерна и, по-видимому, его производство были делом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 164.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 568.

³ Карта памятников первых столетий нашей эры на территории Пруто-Днестровского междуречья. «История Молдавской ССР», т. I, Кишинев, 1965, стр. 43, J. J o n i ț ă, Contribuții cu privire la cultura Sintana de Mureș — Cerneahov pe teritorie Republicii Socialiste România, «Arheologia Moldovei», IV, București, 1966, p. 189—192.

⁴ В. В. Кропоткин, К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры, сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970, стр. 158.

не общины в целом, а отдельных семейных коллективов. Это мнение основано на том, что в отдельных домах найдены совершенные жерновые ручные мельницы типа, существующего и в наши дни. Ремесло и земледелие создавали прибавочный продукт, без которого невозможно формирование классового общества. Наличие этого продукта отразилось в высоком развитии торговли, которая охватила не только знать, но рядовых общинников. Это мнение подтверждают находки импортных вещей в могилах и жилищах рядовых черняховцев. Внешняя и внутренняя торговля у черняховцев рассматриваемого района осуществлялась помощью римской монеты, причем перечисленные выше племена принимали ее, как доказано В. В. Кропоткиным⁵, не на вес, а на счет, различая монеты по внешнему виду. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что черняховцы целиком восприняли римскую денежно-весовую систему, что, в свою очередь, является показателем их тесных экономических связей с античным миром.

Уровень развития экономики должен был, казалось бы, привести к возникновению у черняховцев городов. Последние, однако, не известны. Значит, коренное разделение труда между городом и селом еще зародилось. Потому особенное значение для черняховцев представляли хозяйственные и культурные связи с античными городами.

Варварский мир медленно сближался с античным в области культуры и идеологии. Из античных центров к варварам низовьев Днестра и Дуная постепенно проникает письменность и распространяется христианство⁶.

Тесные связи с античным миром ускоряли развитие варварского общества. Видимо, в наибольшей степени это относится к вестготам. О развитости имущественных отношений у вестготов в IV в. свидетельствует существование в готском языке понятий, связанных с денежными операциями: «долг», «должник», «кредитор», «долговое обязательство», «заклад», «проценты». Немало слов, характеризующих развитые представления о собственности: «собственность», «кража», «воры» и т. д. Имущественное благосостояние определяло у вестготов в IV в. социальный вес. Обедневшие свободные общинники становились наемными работниками. Характерно, что в готском языке были слова для определения таких понятий как «наемный работник», «нищий»⁷.

Археологический материал вносит дополнительные штрихи в представления об имущественной дифференциации у племен II—IV вв. н. э. Так, с данными, полученными из готского языка, перекликаются сведения о находках даже на глухих поселениях черняховцев, расположенных в отдалении от важных путей, по крайней мере водных, кладов римских и ранневизантийских денег, бронзовых⁸, серебряных и золотых (последний — вблизи от поселения)⁹.

Беским подтверждением существования у черняховцев имущественного неравенства являются найденные при раскопках поселений и могильников замки и ключи.

⁵ В. В. Кропоткин, Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э., М., 1967, стр. 46, 47.

⁶ Э. А. Рикман, О влиянии позднеантичной культуры на черняховскую в Днестровско-Прутском междуречье, «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», М., 1970, вып. 124, стр. 25—30; M. Comşa, Zur Romanisierung der Gebiete nördlich der Donau (Muntenien, Südmoldau) im 4 Jhr. u. z., «Dacia», Nouvelle série, IX, 1965, p. 29.

⁷ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1965, № 3, стр. 62, 64; W. Streitberg, Die gotische Bibel, Zweiter Teil, Gotisch — Griechisch — Deutsches Wörterbuch, Heidelberg, 1910.

⁸ В. В. Кропоткин, Лукашевский клад бронзовых римских монет IV в., с «Нумизматика и эпиграфика», т. I, М., 1960, стр. 215—222.

⁹ А. А. Нудельман и Э. А. Рикман, Два клада и находки отдельных монет (римских и ранневизантийских) из Молдавии, «Известия Молдавского филиала АН СССР» (далее МФ АН СССР), № 4 (31), Кишинев, 1956, стр. 143—154.

Судя по обнаруженным в могильниках и развалинах жилищ поселений Будешты, Делакеу и Собарь находкам, замками запирали дома и шкатулки — ценные личные предметы, иногда сживавшиеся вместе с поковыми.

Замки из железных или бронзовых деталей, запиравшие шкатулки, представляли собой коробки из прямоугольных пластин, скрепленных заклепками. На одной стороне коробки — два круглых¹⁰ или одно продолговатое¹¹ отверстия для ключа.

Подобные замки шкатулок известны также на территории Польши и Прибалтики у населения первых столетий нашей эры и средневековья¹².

Встречавшиеся на поселениях в низовьях Днестра и Дуная самые разнообразные ключи можно разделить на несколько типов. Стержни с загнутым в виде крюка концом¹³ служили для отпираания замков шкатулок, пластины которых имели по два отверстия; в двух погребениях эти предметы найдены вместе. Стержень, один конец которого был загнут под прямым углом, а второй — в виде колечка (для привязывания ключа к поясу)¹⁴. Стержень с загнутыми в противоположные стороны концами¹⁵. Ключи четвертого типа представляли собой стержень с раздвоенным концом¹⁶; у ключей пятого типа стержень с отверстием (для привязывания к поясу), рабочий конец этого ключа сохранился плохо.

Ключи были довольно широко распространены не только у племен черняховской, но и у племен пшеворской и липецкой культур в лесостепной зоне Восточной Европы¹⁷.

Находки ключей и замков являются красноречивым свидетельством появления личной собственности и отмирания родового строя¹⁸. Если признать существование у черняховцев большой патриархальной семьи, то находки замков и ключей шкатулок — признак распада больших семейных коллективов: члены малой семьи запирали предметы, оберегая их от остальных обитателей большесемейного дома.

Имущественное различие отразилось и в погребальном инвентаре. Наиболее ясно это выражено в раннечерняховском могильнике Ханска-Лутэрия, где одно захоронение (трупосожжение) резко выделяется среди остальных 14 не только большим количеством оружия, предметов местного производства и импортных вещей, но и наличием золотых украшений. Это, несомненно, могила представителя племенной знати.

В могильнике Малаешты¹⁹ 15,3% погребений отличаются обилием инвентаря (в четырех из них обнаружены импортные вещи).

Обитателей селища Будешты имущественная дифференциация затронула в меньшей степени, судя по составу инвентаря погребений кладбища, относящегося к этому селищу. Из 360 погребений богатством инвентаря, а также некоторой усложненностью погребальных сооружений

¹⁰ В могильнике Будешты найдены детали трех таких замков.

¹¹ В могильнике Ханска-Лутэрия обнаружена деталь одного замка.

¹² O. Almgren und B. Nerman, Die ältere Eisenzeit Gotlands, Heft. 2, Stockholm, 1923, Seite 80; Z. Zakrzewski, Cmentarzysko z kultura rzymska w Ciafieniu, «Przegląd archeologiczny», t. II, Livr. 1, 1922, Poznań, 1923, стр. 91, 95.

¹³ В могильнике Будешты найдены 2 экз.; на селище Алчедар III—I.

¹⁴ В могильнике Будешты найден 1 экз.

¹⁵ В могильнике Будешты обнаружены 2 экз.; на селище Собарь — 1 экз.

¹⁶ В могильнике Будешты — 1 экз.; на селище Делакеу — 1 экз.

¹⁷ М. Ю. Брайчевский, Біля джерел слов'янської державності, Київ, 1964, стр. 281—283; А. Т. Брайчевская и М. Ю. Брайчевский, Раскопки в с. Леськах близ Черкасс, «Краткие сообщения Ин-та археологии» (далее КСИА) АН УССР, вып. 8, 1959, табл. II, рис. 7; А. Т. Брайчевская, Отделение ремесла от земледелия и развитие торговли в раннеантском обществе, Киев, 1951 (канд. дис.), стр. 67.

¹⁸ Кроме упомянутых, находки ключей известны также в могильниках и селищах Иза I (черняховская культура), Гринев (пшеворская культура) и Липица (липецкая культура). См. А. Т. Брайчевская. Указ. раб., стр. 63, 66, 67.

¹⁹ Г. Б. Федоров, Малаештский могильник, «Материалы и исследования по археологии СССР» (далее МИА СССР), вып. № 82, М., 1960, стр. 294, (погребение 4, II, 33—35 и Б).

выделяются только три могилы, т. е. 0,8% от общего числа погребений. Что же касается могильника Балцаты, то в 59 его погребениях нет выразительных признаков имущественной дифференциации.

На территории Днестровско-Прутского междуречья в четырех новых могильниках черняховской культуры вскрыто 473 погребения. Из их числа только 10 могил (2%) дают повод говорить об имущественной дифференциации. Надо иметь в виду, что в погребальном обряде мы сталкиваемся в первую очередь с культовыми явлениями и только вторую — с социальными. Следовательно, хотя характер могильников Будешты, Малаешты, Балцаты II и Ханска-Лутэрия и свидетельствуют об известной имущественной дифференциации среди черняховцев, однако нет оснований говорить ни о глубоких имущественных различиях, ни о широком распространении этого социального явления. Кроме того, между населением, оставившим различные упомянутые выше памятники, наблюдаются определенные различия в степени имущественной дифференциации. У вестготов, господствовавших над племенами, создавшими черняховскую культуру рассматриваемого района, степень имущественных различий могла быть выше, чем у карпо-дако-гетов или сарматов-алан, которым с наибольшей вероятностью приписываются упомянутые могильники.

В начале статьи автор старался показать уровень экономического развития племен черняховской культуры в сравнении с тем, чего достиг античный мир. Мы считаем, что наличие некоторых черт сходства в экономике черняховцев и соседнего античного мира позволяет предположить зарождение у них классовых отношений. Однако отставание черняховцев от античного мира в экономике и культуре заставляет априори предположить наличие у этой группы племен остатков родо-племенных отношений.

Это предположение подтверждается свидетельствами древних авторов, рисующих общественный строй варварских племен традиционно, особым вниманием к институтам родо-племенного строя, т. е. к тому, что не типично для античного общества. Хорошо осведомленный о варварских племенах в низовьях Дуная и Днестра Аммиан Марцеллин (IV в.), описывая общественный строй сарматов-алан, одних из носителей черняховской культуры, отмечает проявления у них родо-племенных отношений: «Они не имели никакого понятия о рабстве, будучи в одинаково благородного происхождения, и в судьи они до сих пор выбирают лиц, долгое время отличавшихся военными подвигами»²¹. Он считает «общий совет» у готов²², также входивших в число носителей упомянутой культуры. В этой же связи представляет интерес известие Приска о племени акатиров времен Аттилы, которые, вероятно, принадлежат к числу потомков агатирсов-фракийцев (оба эти племена, и наименования которых сходны по звучанию, проживали в разные эпохи близко расположенных территориях). Приск пишет, что у акатиров «было много начальников по коленам и родам», упоминает их царя Куридаха²³. Эти сообщения — свидетельства существования института родового строя и его разложения, которое во II—IV вв. н. э. — время существования черняховской культуры — затронуло устойчивых рядов меньше, чем в V в.

Распространение на поселениях племен черняховской культуры «больших домов» — обиталищ большой патриархальной семьи²⁴ — дает основание предположить существование у этих племен еще одного ин-

²⁰ Э. А. Рикман, Памятник эпохи великого переселения народов, Кишинев, 1967, стр. 60, 61, 64, 65 (погребения 57, 228 и 243).

²¹ Аммиан Марцеллин, Сохранившиеся книги «Истории», XXXI, 2, 25.

²² Сохранившиеся книги «Истории», XXXI, 3, 8.

²³ Приск Панийский, Готская история, 8, ВДИ, 1948, № 4, стр. 252.

²⁴ Э. А. Рикман, К вопросу о больших домах на селищах черняховского типа, «Сов. этнография», 1962, № 2.

ститута родо-племенного строя — большой семьи²⁵. По соседству с «большими домами», как правило, располагались ямы, где хранились продовольственные запасы для нескольких десятков человек. В то же время обнаруженные по соседству с «большими домами» небольшие по площади жилища позволяют сделать вывод о выделении индивидуальных семей из большесемейных коллективов.

О наличии большой семьи свидетельствует и группировка погребений в могильниках Будешты и Малаешты, где группы могил отделены друг от друга свободными пространствами. В Будештах было по крайней мере девять групп могил, в Малаештах — три. В Будештах погребения группировались так: одна группа состояла из 5 погребений и захоронения сосудов с ритуальной пищей; в трех группах было по 6 погребений (в одной группе еще захоронение сосудов, а в другой — животного); в одной — 11 погребений; в двух — по 13 погребений (в одной группе — еще захоронение сосудов); в одной — 21 погребение и захоронение сосудов; и, наконец, еще в одной — 37 погребений, 2 захоронения животных и два захоронения сосудов. В Малаештах погребения объединялись в три группы (3, 7 и 9 могил). Количество погребений в упомянутых группах приближенно отражает количество людей в большесемейных коллективах. Как видно, многие из них были довольно крупными; были и более малочисленные коллективы, образовавшиеся, очевидно, в результате дробления.

Приведенные выше данные подтверждают мнение Г. Бако, что группировка могил, выявленная на планах кладбищ первых веков н. э. в Румынии и на Украине (Сынтана де Муреш, Тыргшор, Привольное, Петуховка), отражает существование больших патриархальных семей²⁶.

Допущение о существовании у племен первых веков нашей эры большой семьи косвенно подкрепляется данными письменных источников. Большая семья у германцев конца I в. н. э. отмечена Тацитом. Говоря о военном строе германцев, Тацит указал, что их военные подразделения образуются из *familiae* («Германия», VII), т. е. из больших семей, ибо отдельное воинское подразделение из боеспособных членов малой семьи немыслимо. Равнозначно с *familia* Тацит употребляет выражения *domus* и *universa domus*, что опять-таки обозначает большую семью или семейную общину²⁷. Видимо, большая семья существовала не только в конце I в. н. э. у германцев, но и у черняховцев, о чем свидетельствует наличие у них «больших домов» и группировок погребений.

Если согласиться с гипотезой о существовании большой патриархальной семьи, то именно ее надо считать носителем обычаев семейного, судебного права, взаимопомощи и круговой поруки, отмеченных в IV в. у вестготов по письменным источникам. Вероятность выдвинутой гипотезы усиливается тем, что в законах готов V—VI вв. сохранились сведения о большой семье²⁸.

Однако полностью полагаться на сообщения древних авторов, идеализировавших общественные отношения у варварских племен, было бы ошибочным. Ведь племена первых веков нашей эры, археологически представленные черняховской культурой, развивались в эпоху, когда родо-племенной строй, по словам Ф. Энгельса, «... превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»²⁹. Основываясь на этом выводе Ф. Энгельса, следует оценить соот-

²⁵ М. Ю. Брайчевский, Указ. раб., стр. 285.

²⁶ G. Bako, Date privind structura socială și apartenența purtătorilor culturii Sîntana-Cerneahov din Transilvania, «Studii și cercetări de istorie veche» (далее SCJV), I, t. 19, București, 1968, fig. 1, 3—5.

²⁷ М. О. Косвен, Патронимия древних германцев, «Изв. АН СССР, серия истории и философии», 1949, т. VI, № 4, стр. 357, 359.

²⁸ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., стр. 59, 61.

²⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 165.

ношение между институтами классового и родо-племенного строя в рассматриваемую переходную эпоху.

Это положение относится, в первую очередь, к данным древних авторов о структуре общества вестготов: различались простой народ знатные люди, занимавшие руководящие посты. Однако эти различия не были оформлены юридически, а основную массу населения составляли даже в V—VI вв. н. э. рядовые свободные готские общинники, по неоправные участники народных собраний, воины³⁰.

Характер общины племен черняховской культуры не может быть определен с достаточной убедительностью, но немногие имеющиеся данные говорят о наличии территориальной общины. Подтверждением этого может служить топография поселений, где отсутствует группировка жилищ, порождаемая патронимией, и постройки повсеместно образуют улицы. Кроме того, наличие на селище у г. Комрат, как и на селищах черняховской культуры Поднепровья (Леськи и т. д.)³¹, признаков общинных и огражденных усадеб, не согласуется с мнением о существовании родовой сельской общины, а свидетельствует о появлении индивидуально-семейной собственности. Мнению о существовании родовой общины противоречит и тот факт, что близ некоторых селищ были обнаружены невысокие валы, которые, видимо, надо рассматривать как межплеменные границы землевладений. Такие валы, именуемые «Траяновыми», имеются, например, у селища Делакеу³². Эти валы напоминают межевые сооружения из земли и камней, ограничивающие поля на территории Германии и Дании первых столетий нашей эры и средневековья³³.

О преобладании территориальных связей над родовыми между жителями поселков свидетельствует тот факт, что на планах могильников индивидуальных погребений гораздо больше, чем групповых. Недаром в готском языке IV в. имелись понятия «сосед», «граничить». В сельских общинах вестготов существовали народные собрания, осуществлявшие суд и регулировавшие порядок землепользования³⁴.

Что касается племенной организации, то древние авторы, отчетливо различая сармато-аланов, карпо-дако-гетов и вестготов, знали, что эти племена говорили на разных языках. Войны против Рима и соседних варваров вели именно эти племена целиком, их народное ополчение. Племя как этническая общность еще существовало, как родо-племенная социальная организация — отмирало. Последнее проявляется не только в том, что родовая община заменяется у черняховцев территориальной раннеклассовой, но и в размещении поселений племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Преобладали одиночные поселения (несколько сотен), реже они группируются по два (11 случаев), по три (35) по четыре (12) и более. Таким образом, и в размещении поселений отражается картина распада племенной структуры.

В первые столетия нашей эры у населения рассматриваемых земель переход от родовой структуры к территориальной выразился также в смене моноэтнической племенной организации межплеменными союзами с полиэтническим составом. Господствующее положение в указанном регионе занимали сначала сармато-аланы, затем карпы. Позднее в низовьях Днестра, Прута и Дуная устанавливается власть вестготского

³⁰ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., стр. 62.

³¹ А. Т. Брайчевская, М. Ю. Брайчевский, Раскопки в с. Леськах близ Черкасс, стр. 54.

³² Э. А. Рикман, Черняховское селище Делакеу (Молдавия), «История и археология юго-западных областей СССР начала н. э.», М., 1967, стр. 188.

³³ H. Jankuhn, Ackerfluren der Eisenzeit und ihre Bedeutung für die frühe Wirtschaftsgeschichte, Sonderdruck aus 37—38, Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, 1956—1957, S. 150, 189, Abb. 8, Tafel 7; A. Steensberg, Atlas over berups agre 1000—1200 c. kr., 1, 2, København, 1968.

³⁴ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., стр. 61, 71.

(тервингского) межплеменного союза, подчинившего сармато-аланов, карпо-дако-гетов и венедов. Вестготы, таким образом, представляли собой непрочное объединение родственных и подчиненных неродственных племен. Только объединяющая роль вестготов давала повод древним авторам писать об этнической готской общности. В рамках именно этой политической и территориальной организации, обеспечивавшей господство знати, выкристаллизовалась черняховская культура упомянутого района.

Смену в первой половине I тыс. н. э. родовой организации территориальной подметил еще Ф. Энгельс, писавший: «...народ превратился в более или менее прочную конфедерацию округов. В таком состоянии, по-видимому, находились германцы в эпоху переселения народов»³⁵. Напомним, что археологически эти племена, наряду с соседними, представлены памятниками черняховской культуры.

Отдельные племена, очевидно, возглавлялись старейшинами, вождами, большинство же племен подчинялось непосредственно королевской власти, которая не всегда была устойчивой и ограничивалась народным собранием и прочими институтами родо-племенного строя. Постоянных чиновников не было. Король Атанарих известен как военачальник, опиравшийся на военную дружину. Он обладал судебными полномочиями, руководил внешними сношениями, играл важную роль в религиозной жизни вестготов. Короли избирались из рода Балтов³⁶. О могуществе некоторых вестготских королей известно по сообщениям древних авторов, а об их богатстве можно судить покладам, ими зарытым. Наиболее внушительен знаменитый Петросский клад IV в., приписываемый Атанариху³⁷.

У племен первых веков нашей эры происходило формирование родо-племенной знати и постепенно складывался раннерабовладельческий уклад. У гето-даков³⁸ и сарматов³⁹ уже в начале новой эры рабство было развито довольно широко.

По данным древних источников, формы рабства у вестготов были различными. В IV в. н. э. рабы составляли особый слой населения, а существование в готской библии специального термина для обозначения домашнего раба — верный признак наличия патриархального рабства. О более развитых формах рабства свидетельствуют факты продажи в рабство свободных людей и существование вольноотпущенников⁴⁰.

Археологические находки также говорят о том, что у черняховцев были некоторые признаки патриархального рабства. Скорченные, лишенные инвентаря костяки, расположенные среди остальных погребений в могильниках черняховской культуры⁴¹ и на кладбищах первых веков нашей эры в Прикамье⁴², рассматриваются археологами (правда, предположительно) как остатки погребений рабов. Остатками захоронений рабынь, очевидно, являются два женских костяка, обнаруженные в могильниках Будешты и Кошница рядом с мужскими костяками. Сюда же относится погребение из могильника Балцаты. В одну могильную

³⁵ Ф. Энгельс, Франкский период, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

³⁶ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов в IV в., стр. 65—70.

³⁷ Al. Odobescu, Le trésor de Pétrossa, vol. I, 1889—1900; vol. II, 1896; vol. III, 1900, Leipzig; «Studii asupra tezaurului restituit de U. R. S. S.», București, 1958.

³⁸ Рабов у гетов упоминает Артемидор Далдианский (II в. н. э.), современник императора Адриана, см. Артемидор Далдианский, «О толковании сновидений», I, 8, ВДИ, 1948, № 1, стр. 262.

³⁹ Марк Валерий Марциал (I—II вв. н. э.), Книга эпиграмм, VII, 80, 6—12, ВДИ, 1949, № 2, стр. 352.

⁴⁰ А. Р. Корсунский, О социальном строе вестготов, стр. 61, 62.

⁴¹ Ю. В. Кухаренко, Экономический строй и быт восточных славян в первой половине I тыс. н. э., «Очерки истории СССР», М., 1958, стр. 70.

⁴² А. П. Смирнов, Происхождение рабовладения, «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. Сборник статей», М., 1970, стр. 117, 119.

яму были опущены два трупа. Внизу находилось погребение *скорченного* го раба, вверху вытянутый костяк — видимо, захоронение господина.

Существование своеобразных форм рабской зависимости в черняховскую эпоху подтверждают факты, проанализированные Е. Кирилэ⁴³, который, сопоставляя свидетельства древних авторов, описывающих социальные взаимоотношения двух сарматских племен, обитавших в II в. на территории Баната. Сделанные наблюдения применимы и к племенам низовьев Днестра и Дуная.

Е. Кирилэ установил, что одно из племен, которое древние авторы именуют рабами (*servi*), было племенем сарматов-лимитантов, оседлых невооруженных земледельцев. Каждый член этого племени, наподобие илотов, не был рабом, но племя в целом было в подчинении у аркарантов, скотоводов-кочевников, силой оружия поработивших оседлых сарматов.

В результате порабощения одним племенем родственного ему другого племени возникает своеобразная форма отношений зависимости, при которых кочевое племя является коллективным рабовладельцем, а оседлое — коллективным рабом. Такого рода общественные отношения довольно широко известны в истории и этнографии ряда народов⁴⁴. Древние авторы описывают восстание лимигантов против господ, их вооруженную борьбу, в ходе которой сложился союз между рабовладельцами-сарматами, аркарантами и римлянами.

Таким образом, в первых веках нашей эры у племен, живших в низовьях Днестра и Дуная, археологически представленных черняховской культурой, зарождались рабовладельческие отношения. Они были примитивными, но все-таки более развитыми, чем у населения северной Европы в то же время⁴⁵. Можно предположить, что аналогичные отношения были между сарматским населением и царями на Боспоре в первых веках нашей эры⁴⁶. В эпоху кризиса рабовладельческого строя в Европе этим отношениям не суждено было закрепиться. Напротив, у вестготов в V—VI вв. создавались элементы феодальных отношений⁴⁷.

Наряду с примитивными формами рабства на этих территориях были широко распространены даннические отношения⁴⁸: слабые племена должны были платить дань более сильным. Эта архаичная форма эксплуатации характерна для общества на стадии перехода от первобытнообщинного строя к классовому.

Постепенно в вестготском межплеменном союзе формировались зачатки государственной власти, стоящей над народом. Это особенно четко прослеживается при сравнении мужских погребений, относящихся к периоду господства вестготов, с погребениями сармато-аланского периода. Для погребений последнего типа характерно оружие — это могилы воинов. Вестготский же межплеменный союз отбирает у общинников право владеть оружием, очевидно, вооружая их только в период войны. Этим, видимо, объясняется одна из характерных особенностей погребений черняховской культуры — в них нет оружия.

Отсутствие на поселениях черняховцев укреплений, возможно, объясняется перерождением межплеменных союзов в примитивные государственные образования.

⁴³ E. Chirilă, Frământări sociale la sarmați in secolul IV e. n., SCIV, 1952, t. II, № 2, pp. 183—188.

⁴⁴ А. П. Смирнов, Скифы, М., 1966, стр. 144.

⁴⁵ А. П. Смирнов, Происхождение рабовладения, «Ленинские идеи...», стр. 113—132.

⁴⁶ И. Т. Кругликова, Боспор в позднеантичное время, М., 1966, стр. 105.

⁴⁷ А. И. Неусыхин, Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному, «Вопросы истории», 1967, № 1, стр. 83.

⁴⁸ А. М. Ременников, Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э., М., 1954, стр. 12.

Значит, в черняховском варварском мире, который исследователи нередко именуют провинциально-римским, не только наблюдалось некоторое влияние античного мира на быт, производство и культуру, но, видимо, это влияние ускорило зарождение примитивных классовых отношений. Ведь появление у вестготов христианства и письменности — явления, сопутствовавшие переходу от доклассового общества к классовому.

Таким образом, в конце первой половины 1 тыс. н. э. у племен в низовьях Днестра и Дуная в какой-то мере формировались примитивное рабовладение и территориальная община. У этих племен зарождалась примитивная государственность. Памятники черняховской культуры в сопоставлении с письменными источниками позволяют проследить у упомянутых племен некоторые конкретные черты первобытнообщинного строя на самом позднем его этапе — военной демократии.

**ON CERTAIN FEATURES CHARACTERIZING THE SOCIAL
STRUCTURE OF TRIBES INHABITING THE LOWER REACHES
OF THE DNIESTRE AND THE DANUBE IN THE EARLY
CENTURIES A. D.**

The author compares data from written and archaeological sources and describes the transformation of the gens system into class society among the Carpi—Getii—Dacii, Sarmati—Alani who dwelt in the lower reaches of the Dniestre and the Danube and originated the Tcherniakhovskaya culture in this region. Their level of economic development is characterized, and its similarity to the economic level of Classical Antiquity is noted. The author sees in the social system of these tribes a combination of primitive community and early class relations; this is characteristic of the stage of social development which F. Engels named military democracy.
